

П.В. Шлыков

Гражданское общество в Турции и влияние европейских институтов на его развитие

***Аннотация.** В статье исследуются институты гражданского общества в Турции и дается оценка их эффективности. Автор уделяет особое внимание проблеме приспособления «западных образцов» к условиям и культуре Турции. В работе анализируется становление и функционирование «неевропейской модели» гражданского общества и определяются основные траектории и детерминанты его развития.*

***Abstract.** The article evaluates civil society institutions and their efficiency in Turkey. The author put emphasis on the accommodation of «Western Patterns» to Turkish culture and conditions. The paper analyzes the formation and functioning of the «non-western model» of civil society and defines the main trajectories and determinants of its development.*

***Ключевые слова:** Турция, гражданское общество, НПО, демократия, Европейский союз.*

***Keywords:** Turkey, civil society, NGO, democracy, European Union.*

Последние десятилетия стали временем «возрождения» идеи гражданского общества. Еще совсем недавно это понятие занимало лишь специалистов по социальной истории и тех, кого интересовали труды Г.В.Ф. Гегеля или политическая идеология марксизма, а теперь оно стало одним из самых популярных в лексиконе политиков всех рангов, равно как и комментирующих их деяния политологов и социологов. Сегодня

состояние общества, определяемое этим понятием, приобрело необыкновенную ценность, наполнилось актуальным политическим содержанием, поэтому отсутствие и неразвитость гражданского общества в разных странах современного мира стало более заметным и ощутимым [см.: Геллнер Э., 1995, с. 11–23]. С особенной остротой это проявляется в тех обществах, где все стороны жизни были строго регламентированы, существовала единая политическая, экономическая и идеологическая иерархия, не допускавшая никакого соперничества, а единственная господствующая точка зрения служила мерилom истины и правоты.

С конца 1980-х годов западная модель демократии и связанные с ней идеи и концепции – гражданское общество, негосударственные общественные организации и т.д. – начали свой победный марш по странам незападного мира. Оценивая масштабы этого явления Самуэль Хантингтон даже назвал его «демократизацией третьей волны» [см.: Хантингтон С., 2003, с. 31–52]. Базовые концепции либерализма оказались на устах практически всех политиков и общественных деятелей этих стран. Однако результатом массового увлечения либерально-демократическими ценностями, и в частности концептом гражданского общества, стало неадекватное понимание и упрощение этих понятий.

Одно из таких упрощений – восприятие гражданского общества как необходимого условия демократизации, когда наличие элементов гражданского общества – профсоюзов, ассоциаций, добровольных организаций, профессиональных объединений и негосударственных общественных организаций – рассматривается как показатель степени «демократичности» того или иного государства [см.: Beckman B., 1997, p. 1–15]. Вместе с тем тесная взаимосвязь гражданского общества и демократизации отнюдь не является правилом и даже в тех случаях, когда она есть, эта связь крайне неустойчива [см.: Civil society: Challenging..., 1996; Seligman A.B., 1995]. Еще одним следствием упрощения содержания понятия гражданского общества является утверждение о категорической оппозиции, противостоянии государства и гражданского общества. По логике этого тезиса, государство – воплощение колоссальной, всепроникающей властной машины – Левиафана, как определял ее Томас Гоббс, нормальное функционирование которой может осуществляться только в рамках авторитарной, если не тоталитарной, системы.

Между тем в современных обществах, особенно в странах, не принадлежащих ни географически, ни идеологически к Западу, можно наблюдать разнообразные формы связи и сотрудничества государства и гражданского общества через политические партии, общественные организации, профессиональные союзы, ассоциации и целый ряд других институтов. Причем сцепление государства и гражданского общества оказывается настолько прочным, что ни о какой неприкрытой бинарной оппозиции общество–государство говорить не приходится, а сам подход оказывается неадекватным для понимания и анализа гражданского общества [Beller-Hann I., Hann Ch. 2001, p. 32]. Часто между гражданским обществом и обществом как таковым ставится знак равенства, словно два этих понятия тождественны по своему значению. Хотя разница между ними очевидна: в случае гражданского общества мы имеем дело с искусственно созданными группами свободных индивидов, а касательно общества вообще или общины, рассматривая это понятие в историческом смысле, – перед нами более естественная конструкция, объединяющая людей по какому-то исходному «качеству» (рождению, происхождению и т.д.). Это различие объясняет всю сложность выхода за границы естественного и заданного сообщества и вступления в сферу гражданского общества [Yerasimos S., 2000, p. 15]. Нельзя забывать также о внутренних противоречиях и «авторитарных тенденциях», неизбежно присущих гражданскому обществу (наряду со всеми истинно демократическими чертами и потенциальными). Ведь при отсутствии отлаженной системы регулирования и баланса сил гражданское общество быстро превращается в инструмент подавления в руках отдельных индивидов. Еще одна распространенная ошибка – трактовка гражданского общества как единого организма, гомогенного общества. Между тем правильнее было бы говорить о нескольких гражданских обществах, действующих синхронно в рамках одной системы, или по крайней мере о гетерогенном гражданском обществе, объединяющем отчасти соперничающие социальные группы, обладающие разными интересами и отражающие отличные друг от друга политические установки и взгляды.

Наконец, стоит учитывать «отрицательные» стороны и несовершенство гражданского общества, о которых говорили еще Г.Ф.В. Гегель и К. Маркс [Сагатовский В.Н., 2005, с. 238–259], а по-

борники либеральных ценностей часто забывают. Гражданское общество, по Гегелю, есть весьма несовершенный уровень организации социальной жизни, регулировать который способно только сильное государство [Гегель Г.В.Ф., с. 286]. К. Маркс видел в гражданском обществе воплощение индивидуалистической разобщенности [Маркс К. К еврейскому..., с. 31; Маркс К. К критике гегелевской..., с. 410]. Наконец, и Гегеля, и Маркса не удовлетворяло состояние общества как «войны всех против всех», умиряемое лишь внешним воздействием государства [Сагатовский В.Н., 2005, с. 259; см. также: Savran G., 1987; Keane J., 1988, p. 50–52].

В Турции мы сталкиваемся со всеми перечисленными искажениями в понимании гражданского общества. Под влиянием повсеместной популяризации концепции гражданского общества историки и социологи, политологи и обозреватели в СМИ – в буквальном смысле все, кто так или иначе профессионально вовлечен в публичную жизнь и политику, начинают с большим оптимизмом интерпретировать малейшие изменения и подвижки в сфере гражданского общества. Так, например, победа на всеобщих выборах 1983 г. Партии Отечества (ПО) Тургутта Озала и, напротив, поражение активно поддерживаемой армейской верхушкой Национальной демократической партии (НДП) Тургутта Сунальпа¹, были восприняты многими как реакция гражданского общества на навязчивое вмешательство в политику военной элиты, протест против давления генералов на политическую жизнь в стране [Mert N., 2000, p. 65]. Между тем успех партии Тургутта Озала мог также объясняться как харизмой самого лидера ПО, так и внятной предвыборной программой, а не только стремлением продемонстрировать негативное отношение к армии и ее креатуре в лице НДП.

Некоторые ученые увидели в наблюдавшемся в последние двадцать лет росте исламских, феминистских, экологических, курдских, алевитских² и кемалистских движений показатель оздо-

---

¹ *Партия Отечества на всеобщих выборах 6 ноября 1983 года получила 45,1% (212 мест в парламенте), а Национальная демократическая партия – 23,3% (71 мандат) [Osmanlı'dan günümüze seçimler..., 2012].*

² *Алевиты – шиитские «сектанты» Малой Азии, близкие по учению к бекташи (членам суфийского братства бекташийя, распространенного в Турции и Юго-Восточной Европе.*

рования и развития, отчасти и автономизации гражданского общества в Турции [Göle N., 1994, p. 214–218]. Причем этот оптимизм имел под собой определенную основу. В то время в стране были налицо тенденции углубления сотрудничества и взаимодействия между основными акторами гражданского общества, такими как *Türk-İş* (главный «правый» профсоюз), *DİSK* (главный «левый» профсоюз), *TOBB* (Союз коммерческих палат и фондовых бирж Турции, *Türkiye Odalar ve Borsalar Birliği*), *TESK* (Союз торговцев и промышленников Турции, *Türkiye Esnaf ve Sanatkarları Konfederasyonu*) и *TİSK* (Федерация профсоюзов работодателей, *Türk İşveren Sendikaları Konfederasyonu*), сформировавшими так называемую гражданскую инициативу пяти общественных организаций (*Beşli Sivil İnsiyatif*).

В Турции, как и в других странах мира, в 1980-е и 1990-е годы появилось множество НПО. До военного переворота 12 сентября 1980 г. их насчитывалось 38 354. И несмотря на то что военная хунта закрыла около 20 тыс. НПО, сейчас их количество превышает 150 тыс. [*Türkiye’de sivil toplum..*, 2011, s. 18]¹. Более 42% из них находится в пяти крупнейших городах страны – Стамбуле, Анкаре, Измире, Адане и Бурсе [*Türkiye’de sivil toplum..*, 2011, s. 18; *Dernekler dairesi başkanlığı..*, 2011; *Vakıflar genel müdürlüğü..*, 2011]², – где соотношение лиц, участвующих в деятельности НПО, доходит до уровня 1/830, когда в остальных регионах Турции этот показатель равен 1/1054. Причем в 2000-е годы темпы появления новых НПО были очень высоки – только в Стамбуле в день рассматривается по десять заявок на основание очередных НПО [см.: Pusch B., 2000, p. 478].

---

¹ По данным на 2011 г., количество действующих в Турции организаций гражданского общества (*Sivil Toplum Kuruluşları – STK*) превысило 150 тыс., из которых 4547 – вакфы, 86 031 – ассоциации-дернеки, около 60 тыс. – профсоюзы, профессиональные палаты и кооперативы [*Dernekler dairesi başkanlığı..*, 2011; *Vakıflar genel müdürlüğü..*, 2011]. Таким образом, подушевой показатель распространения неправительственных организаций в Турции весьма низок: одна НПО приходится примерно на 780 человек населения страны.

² Меньше всего НПО представлены в провинции Ширнак, где на 3200 человек приходится только одна НПО, именно в этом иле активность НПО наименьшая (из всех программ общественных организаций лишь 0,15% приходится на эту местность).

Между тем большое число НПО и относящаяся к ним статистика могут легко ввести в заблуждение: действительно, количество добровольных организаций, профессиональных ассоциаций, союзов, палат и т.д. выглядит вполне адекватным (хотя и недостаточным по сравнению с европейскими странами [см.: Sabah, 11/05/2004]), но вклад всех этих НПО в публичную сферу, степень их влияния чрезвычайно малы [Beller-Hann I., 2001, p. 92–93]. И здесь мы сталкиваемся с фундаментальным несоответствием и различием западной и «незападной» моделей гражданского общества. В первом случае перед нами система взаимных формализованных отношений, обязательств и договоренностей между отдельными индивидами, во втором – господство неформальных связей, распространение разнообразных форм «реципрокных отношений»¹ [White J.V., 1996, p. 143–144]. Поэтому оценивать гражданское общество в Турции необходимо, исходя из других, неколичественных показателей. Например, в 1999 г., как пишет в своей статье Поль Кубичек, имело место 30 случаев закрытия НПО... и вынесение 387 предупреждений, связанных с нарушениями прав человека, обвинениями в связях с исламистскими или радикальными курдскими группами [Kubicek Ch.P., 2001, p. 1–2]. Ситуация с гражданским обществом в Турции характеризуется существованием десятков тысяч НПО и разнообразных общественных движений, которые хорошо заметны в публичной сфере, на экранах телевизоров, в печатных СМИ или на таких мероприятиях, как ооновская Конференция по среде обитания (*Habitat II*) [Habitat II, 1997], проводившаяся в 1996 г. в Стамбуле, но весьма скромной способностью гражданского общества влиять на решения и политику своего правительства. Поэтому можно согласиться с утверждением, что «гражданское общество в Турции существует больше как слоган, но не как реальность» [Kubicek Ch.P., 2001, p. 4].

И действительно, практически каждый – будь то партийный лидер, общественный деятель или простой обыватель – говорит о гражданском обществе, его фактическом и гипотетическом вкладе в развитие демократии в стране. Но при этом остается до конца неясным, что в общественном дискурсе понимается под «гражданским обществом». Одни видят в определении «гражданский» оппо-

---

¹ *Реципрокные отношения, или обратная взаимообусловленность.*

зицию «государственному», в то время как другие имеют в виду противовес «влиянию армии». Для кого-то гражданское общество означает просто наличие общественных организаций, для других – важно, какие это НПО (либеральные, исламские или секулярные). Известный социолог Адам Селигмен объясняет эту притягательность гражданского общества «заключенной в нем идеей синтеза общего и частного “блага”, индивидуальных и общественных интересов. Идея гражданского общества, таким образом, воплощает в себе этический принцип социального порядка, который, если и не преодолевает, то по крайней мере согласовывает часто противоречащие друг другу желания индивидов и общее благо» [Seligman A.V., 1995, p. X].

Историю становления и развития гражданского общества в Турции можно отсчитывать по-разному. Если под последним понимать возможность относительно свободной ассоциации вне строгих границ, очерченных государством, то можно говорить о практически полуторавековом опыте гражданского общества в стране. Ведь социально-политический вес общественных движений и организаций в период «поздней» Османской империи (1850–1923) был весьма значительным (это хорошо видно на примере деятельности вакфов – благотворительных институтов, создававших сети социальной солидарности, абсолютно не зависимые от центральной власти [см.: Шлыков П.В., 2006, с. 67–100; Шлыков П.В., 2011]). Уже после провозглашения Турецкой Республики как современного государства-нации появились различные организации, действующие вне политики, но в тесном сотрудничестве с государством. Иными словами, гражданское общество как «сфера свободной ассоциации» развивалось параллельно со становлением нынешней Турции, выступало неотъемлемой частью модернизации и формирования демократической политической системы. Однако если принять более широкую трактовку и воспринимать гражданское общество как возможность и механизм общественного влияния на процесс демократизации и формирования государственной политики, то придется констатировать, что подобные черты турецкий социум начинает приобретать лишь в конце 1980-х годов [см.: Keyman E.F., 2003; Diamond L.J., 1994, p. 4–17; Toros E., 2007, p. 395–415].

Вероятно, один из главных факторов, которые, по меньшей мере, тормозят превращение аморфных ассоциаций и разрознен-

ных социальных групп в более крупные объединения, включенные в активную политическую жизнь страны, создающие основы для «демократии-участия», – особый «централизованный» характер политической и экономической модернизации в Турции. В период становления государства-нации (1923–1945) и оформления многопартийной системы и парламентаризма (1945–1980) центральная власть сохраняла за собой роль главного и наиболее влиятельного субъекта политических, социально-экономических и культурных отношений. Тем самым и институты гражданского общества (разнообразные ассоциации, движения, НПО и т.д.) подпадали под косвенный, а иногда и прямой контроль со стороны государства. Ведь сама схема «централизованной» модернизации, осовременивания «сверху» базируется на идее прочного единства общества и государства (государства и нации), предполагает существование «независимых» ассоциаций, действующих на принципах служения власти и ее нуждам, а не по законам социальных отношений, основанных на личных предпочтениях и экономическом интересе [см.: Pore N., Pore H., 1997].

Доминирование государства, его контроль над публичной сферой и общественной жизнью, неуклонно возрастаая в годы военных переворотов (1960, 1971, 1980), сохранились и после 1945 г., даже несмотря на возникновение крупных торгово-промышленных союзов, палат и т.д. [см.: Киреев Н.Г., 2007, с. 289–300; Özbudun E., 2000, р. 87]. На процесс приближения турецкого общества к гражданскому состоянию сильно влияли и этнорелигиозные конфликты: обострение курдского вопроса и проблемы исламской идентичности, их политизация в 1980-е и 1990-е годы. Эти факторы способствовали формированию соответствующих подходов к гражданскому обществу и его институтам, диктуемых принципами национальной безопасности и выразившихся в отлаживании правовых механизмов давления и контроля над НПО.

Однако с 1980-х годов в стране формируется целый ряд факторов, благоприятствующих развитию гражданских отношений и снижению влияния государства в общественной жизни. Переход к рыночной экономике и курс на ограничение этатизма, сочетавшиеся с общемировой тенденцией углубления «глобализационных процессов», – все это способствовало повышению значения гражданского общества как автономного саморегулируемого социаль-

ного пространства. Организация экономической жизни в рамках свободного рынка не только послужила причиной возникновения серьезной критики государственного вмешательства в экономику и его политики тотального интервенционизма, но и сформировала в общественном мнении более либеральные подходы к пониманию индивидуализма, границ личных прав и свобод, что в конечном итоге не могло не отразиться на взаимоотношениях общества и государства (в частности, на повышении социальной и политической ответственности последнего, а также на снижении степени его доминирования в разных сферах общественной жизни) [Keyman E.F., 2001; Keyman E.F., İcduygu A., 2003, p. 219–234]. В свою очередь события 1990-х годов со всей очевидностью поставили перед гражданским обществом ряд императивов: необходимость преодоления поляризации и разобщенности своих институциональных основ, а также принятия на себя более активной роли в социальной сфере. Последнее обстоятельство стало особенно острым после крупнейшего Стамбульского землетрясения 1999 г., унесшего жизни 20 тыс. человек. Государственные органы показали малую эффективность в организации помощи пострадавшим (осуществлении работ по ликвидации последствий стихийного бедствия, обеспечении временного жилья и пропитания пострадавшим и т.д.), а турецкие неправительственные организации, напротив, при всей спонтанности и неорганизованности своих действий, неспособности к консолидированным усилиям доказали, что обладают значительным потенциалом [Kubicek Ch.P., 2002, p. 761–778].

Вскоре гражданское общество получило еще один сильный импульс к развитию, теперь уже на политическом уровне. Добившись статуса кандидата в полноправные члены Евросоюза, Турция принимала на себя обязательства провести в стране комплексные реформы с целью соответствия «Копенгагенским критериям» (2002)¹, т.е. принципам демократии в формате ЕС. В результате реформ 2002–2004 гг. и принятия законов о свободе собраний и ассоциаций значительно расширилось поле деятельности НПО, сильно ограниченное в предшествующие десятилетия (по Конституции

---

¹ На саммите ЕС в Копенгагене в 2002 г. был зафиксирован ряд требований политического, экономического и законодательного характера, которые Турция должна выполнить, чтобы претендовать на членство в ЕС.

1982 г.), создались условия для общественного диалога по ключевым проблемам социальной политики. В то время как меджлис принимал законы о реформах, прописанных в «Копенгагенских критериях», ЕС стал тесно взаимодействовать как с правительственными, так и неправительственными общественными организациями, помогая им подняться до «европейского» уровня. Такие НПО, как Ассоциация защиты прав человека (*İnsan Hakları Derneği*), Хельсинкская ассамблея граждан (*Helsinki Yurttaşlar Derneği*), Вахф экономического развития (*İktisadi Kalkınma Vakfı*), Турецкий исторический вахф (*Türk Tarih Vakfı*) и т.п., совершенствуют свои программы в тесном сотрудничестве со структурами ЕС [Wedel H., 1997; Şimşek S., 2004, p. 111-139].

Внешние и внутренние факторы влияния на гражданское общество в Турции

«Возрождение» гражданского общества – понятие, отражающее европейские реалии – ситуацию, сложившуюся в Восточной Европе вслед за коллапсом коммунистических режимов в конце 1980-х годов. Смысл, вкладываемый в это понятие, сводится к усилившейся тенденции гражданских инициатив, ассоциаций и движений защищать и расширять многообразно понимаемую «социетальную сферу», формы и проекты которой явственно отмежевываются от государства [см.: Коэн Д.Л. Арато Э., 2003, с. 61–62; Edwards M., 2004, p. 11–12]. В связи с этим многие политики и ученые стали представлять «сильное и процветающее» гражданское общество как важнейшую преграду на пути авторитаризма и одно из главных условий воспитания и развития активной гражданственности [Beckman V., 1997, p. 4; Seçkinelgin H., 2002, p. 1]. Подобные взгляды получили настолько широкое распространение, что сегодня поддержка «правильных» неправительственных организаций (НПО) стала неотъемлемой частью правительственных программ ряда западноевропейских стран по поддержке демократии и демократических инициатив в мире [см.: Uncharted journey: Promoting..., 2005, p. 3–13, 209–250].

Повсеместное увлечение концептом гражданского общества и повышенное внимание к нему со стороны как практических политиков, так и ученых не прошло незамеченным в Турции. Отчас-

ти этому способствовало то, что в тот же самый период страна активно налаживала связи с крупными западными международными политическими и финансовыми организациями – Всемирным банком, Международным валютным фондом, ООН, Европейским союзом. Возрождение концепта гражданского общества совпало также с появлением в стране большого числа общественных организаций преимущественно в форме НПО и ростом исследовательского интереса к гражданскому обществу, поиску его места в политической культуре страны [см.: Göle N., 1994; Toprak B., 1996; Civil society in the grip..., 2000]. Действительно, как показало масштабное исследование гражданского общества в Турции, проведенное «Вакфом “третьего сектора”» (ТЮСЕВ), с середины 1980-х годов динамика появления новых общественных организаций резко пошла вверх, ощутимо расширилась сфера деятельности турецких НПО [Civil society in Turkey..., 2006]. Более того, стала переосмысливаться роль и значение гражданского общества, в нем увидели катализатор общественных трансформаций.

«Возрождение» гражданского общества в Центральной и Восточной Европе, где оно превратилось в одно из главных средств борьбы с авторитаризмом, хронологически совпало с попытками различных общественных сил в Турции вернуть себе возможность участвовать в политической жизни, фактически сведенной на нет после военного переворота 1980 г. и установления «режима 12 сентября». В этом и кроется одна из причин повышенного внимания и интереса к категории гражданского общества в Турции. В концепте гражданского общества и его институтах многие политики увидели удобный инструмент сдерживания политической активности военных и ограничения государственного авторитаризма [см.: Binnaz T., 1996, p. 95; Hersant J., 2005]. Конечно, в 1980-е и 1990-е годы институты гражданского общества не были избавлены от жесткого государственного контроля. Однако по сравнению с политическими партиями, напрямую ассоциировавшимися с политическим кризисом конца 1970-х годов, ассоциации-дернеки¹ и вакфы – главные

---

¹ Действующее турецкое законодательство определяет ассоциацию (дернек) как обладающую правосубъектностью организацию семи и более физических или юридических лиц, объединивших на долгосрочной основе свои усилия и профес-

институциональные субъекты гражданского общества в стране – были заметно меньше дискредитированы в глазах общественности и власти. Поэтому подобные организации в целом никогда открыто не запрещались (примеры репрессий в отношении отдельных вакфов и дернеков не в счет), хотя и ограничивались в своей деятельности и находились под строгим надзором органов местной власти, стремящейся не допустить чрезмерного вмешательства гражданского общества в политическую жизнь¹.

«Новая страница» в истории гражданского общества [Civil society in Turkey, 2006, p. 35] в Турции с середины 1980-х годов понимается прежде всего как зарождение нового типа субъектов общественно-политической жизни и формирование автономного поля политической деятельности вне сферы авторитарного государства [Göle N., 1994, p. 213]. Эти процессы были тесно связаны и во многом детерминированы возросшей включенностью Турции в мировую политику и экономику (интенсивным развитием отношений Анкары с МВФ и Всемирным банком, масштабной реструк-

---

циональные знания для осуществления определенной, не противоречащей законодательству общей некоммерческой цели [Закон об ассоциациях № 5253, ст. 2].

¹ *Вакфы и ассоциации/дернеки в Турции представляют собой два наиболее важных общественных института, обеспечивающих самовыражение личности, для коллектива и иных социальных общностей и относящихся к категории добровольных некоммерческих, неправительственных организаций (НПО). Главное отличие вакфов от ассоциаций заключается в том, что ассоциации представляют собой общественные организации наподобие профсоюзов или политических партий, в то время как вакфы – по своей сути в большей степени организации финансовые, для учреждения которых законодательно определяется даже минимальный уставной капитал. Поэтому законодательные нормы и положения, регулирующие деятельность вакфов, в сравнении со строгими правилами, касающимися условий функционирования ассоциаций/дернеков, не предусматривали для основателей никаких административных, политических или моральных ограничений, лишь исключали из круга потенциальных учредителей несовершеннолетних и душевнобольных, а перед выдачей документа о регистрации Главное управление вакфов (ГУВ) направляло запрос в полицию и прокуратуру, чтобы определить наличие или отсутствие возможных «препятствий» в отношении основателей. Распорядитель вакфа (мютевелли) назначался пожизненно самим учредителем (или учредителями). Для этого вовсе не требовалось решения общего собрания, управляющего совета, бюро или комитета по контролю, как в случае с избранием или смещением руководящих органов общества/ассоциации [подробнее см.: Шлыков П.В., 2011, с. 147–155].*

туризацией экономики и переориентацией ее на экспорт, антикризисными экономическими программами 1990-х годов и т.д.).

Социально-экономические реформы конца 1980-х - начала 1990-х годов привлекали внимание и к проблеме «надлежащего управления». И МВФ, и Всемирный банк активно давали Анкаре не только рекомендации экономического характера, но достаточно много внимания уделяли «политической этике» – вопросам реализации политической власти в стране, постоянно указывая на необходимость повышения транспарентности режима и укрепления демократических институтов [Seçkinelgin H., 2002, p. 2; Edwards M., 2004, p. 15].

ООН также сыграла свою роль в усилении гражданского общества в Турции, придании его институтам статуса полноправных субъектов общественно-политической жизни. Это довольно рельефно проявилось во время известной конференции по среде обитания (*Habitat II*) в 1996 г. Многие турецкие общественные организации, приняв участие в этом форуме, переосмыслили роль и место НПО в современном государстве, стали стремиться позиционировать себя как важных субъектов общественной жизни. Кроме того, сама по себе ооновская конференция предложила эффективный механизм мобилизации атомизированных общественных организаций, которые через участие в подобных мероприятиях могли ощутить себя частью широкого поля гражданской активности¹. Еще один пример наращивания влияния НПО с использованием структур ООН можно увидеть в деятельности турецких организаций по защите прав женщин и окружающей среды. В начале 2000-х годов ряд подобных организаций принял участие в подготовке независимого доклада для Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (*CEDAW*) [например, см.: *Shadow NGO Report.*, 2005]. Масштабный проект, призванный скорректировать официальные данные турецкого правительства по проблеме соблюдения прав человека, не только сблизил различные феминист-

---

¹ Конференция по среде обитания (*Habitat II*) нередко ставится в один ряд с другими важными событиями, оказавшими сильное влияние на развитие гражданского общества в Турции, такими как землетрясение 1999 г. и начало активной фазы подготовки Турции к вступлению в ЕС [см.: *Civil society in Turkey*, 2006, p. 36].

ские НПО (в рабочую группу только официально вошли 27 организаций), но дал им возможность почувствовать свое влияние на внутривластные проблемы страны, поскольку выводы доклада были обнародованы на саммите ООН в Нью-Йорке в 2005 г. В 2002 г. сопоставимый проект осуществили турецкие НПО, работающие в сфере защиты окружающей среды. Их доклад о текущих экологических проблемах страны и мерах по их решению был представлен на всемирном саммите ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 г. и, так же как и в случае с феминистскими организациями, показал, что многие турецкие НПО созрели для роли важных акторов общественно-политической жизни страны [см.: World Summit on sustainable., 2002; Turkish national assessment., 2002]¹.

В 2000-е годы еще более мощным импульсом для трансформации общественных отношений стал провозглашенный правительством Партии справедливости и развития (ПСР) курс на вступление Турции в Евросоюз, означавший создание благоприятных нормативно-правовых и институциональных условий для развития в стране сферы гражданского общества и повышения роли его институтов в общественно-политической жизни и демократизации [Keyman E.F., 2003, p. 224]. Это соответствовало ценностным установкам ЕС, открыто заявлявшим о поддержке гражданских инициатив в Турции и местных «организаций гражданского общества» как главных проводников социально-политических трансформаций, через которые Турции предстояло пройти на пути в Евросоюз, и важный инструмент укрепления принципов «демократии участия». В НПО также видели удобных контрагентов в осуществлении различных международных программ. «Включение неправительственных организаций в программы ЕС по поддержанию демократии и защите прав человека – это прямое указание на наличие у каждого гражданина неотъемлемого права на самостоятельную гражданскую инициативу», – говорилось в официальном коммюнике делегации Евросоюза в Турции и при этом подчерки-

---

¹ Стоит, однако, заметить, что активность НПО по защите окружающей среды в 2000-е годы была существенно ограничена рядом административных мер [см.: Organisation for Economic Cooperation., 2008, p. 22, 121–122].

валось, что ЕС стоит на принципах универсальности и неделимости прав человека, вне зависимости от их конкретного поля распространения – будь то гражданские права, политические, экономические, социальные или культурные. «НПО обладают большим потенциалом как для выдвижения “демократических инициатив”, так и для их реализации... они могут серьезно скорректировать традиционный для Турции “государство-центричный” подход в проведении реформ и продвижении культуры гражданских прав и свобод» [Avrupa Birliği Türkiye., 2011].

Для ЕС использование местных общественных организаций представлялось важным шагом в направлении «повышения уровня гражданственности» [см.: Avrupa Birliği Türkiye., 2011], которая должна стать залогом поступательного развития демократии. В схожем режиме призвана была работать и ооновская «Программа-21» (Программа XXI в.), поддерживающая различные формы гражданской активности на местном уровне и нацеленная на привлечение гражданского общества к участию в процессе принятия политических решений.

Идеологи международной донорской политики видели в гражданских активистах главных агентов социальных трансформаций и поэтому вовлекали их в свои программы, оказывали на них давление и проверяли, насколько они способны выступать в роли генераторов перемен. В случае Турции это означало разработку разнообразных программ по вовлечению НПО и других аналогичных структур в новые формы деятельности (как теоретического – семинары и конференции, так и практического характера – построение вертикальных и горизонтальных связей между НПО и активистами, совместная разработка проектов) с целью «повышения потенциала гражданского общества».

Первая широкомасштабная программа ЕС, направленная на поддержку гражданского общества в Турции в 1996–1999 гг., имела бюджет, эквивалентный 8 млн. евро. В 2006 г. размер бюджета одной из аналогичных программ – «Укрепление гражданского общества в период подготовки к вступлению в ЕС» – составил уже 10,5 млн. евро [EU-Turkey Review, 2007, p. 10].

Политика ЕС и ее воздействие на гражданское общество в Турции

С конца 1990-х годов среди внешних факторов, оказывающих воздействие на общественно-политическое развитие Турции, одним из главных можно считать Европейский союз. В контексте развития гражданского общества влияние ЕС и его программ особенно ощутимо. Упорно отстаивая свое право на полноправное членство в ЕС, Турция де-факто связала себя с ценностями Евросоюза, либерально-демократическими по своей сути, и приняла на себя обязательства сделать их ключевыми критериями национальной политики. Поэтому одна из основных задач масштабных преобразований, проводимых в рамках подготовки страны к вступлению в Евросоюз сначала коалиционным правительством Бюлента Эджевита (1999–2002), а в последнее десятилетие однопартийным кабинетом происламской Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Тайипом Эрдоганом, состоит в укреплении институциональных основ демократии и расширении гражданских свобод. В совокупности требований, предъявляемых к стране, претендующей на членство в ЕС – так называемых «Копенгагенских критериях», – именно эти характеристики (положение демократических институтов, ситуация с правами человека и защита прав национальных и религиозных меньшинств) являются ключевыми в решении вопроса о готовности страны войти в новый «европейский концерт».

За пять лет активной фазы подготовки страны к открытию переговоров о полноправном членстве в ЕС¹, выпавших на 1999–

---

¹ *Процесс вступления Турции в Европейское сообщество насчитывает не один десяток лет. Начало было положено 31 июля 1959 г., когда Анкара официально подала заявку на членство в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС). В 1963 г. между Турцией и ЕЭС подписано соглашение о сотрудничестве. Ревнивое соперничество с Грецией, подавшей свою заявку месяцем раньше, долго оставалось главным движущим мотивом стремления Турции в «объединенную Европу». Однако за прошедшие полвека многое изменилось. С одной стороны, цель, которую первоначально ставила перед собой Анкара, была достигнута (в 1995 г. Турция вошла в Таможенный союз), с другой – само ЕЭС превратилось в Европейский союз, место Римского договора (1957) занял Маастрихтский (1992), и простое пребывание в Таможенном союзе без полноправного членства в Евросоюзе Турцию уже не удовлетворяло. Старт борьбе за присоединение к ЕС в ка-*

2004 г., Турция приняла девять пакетов поправок к действующей Конституции 1982 г. и осуществила еще ряд административно-правовых реформ, преимущественно направленных как раз на расширение рамок демократии [Muftuler-Bac M., 2005, p. 23].

Принципы либеральной демократии и их защита – таковы главные официальные мотивы вмешательства ЕС в дела развития гражданского общества в Турции. В своих внешнеполитических программах и требованиях ЕС традиционно руководствуется либерально-демократическими ценностями и соответствующей логикой, в рамках которой гражданское общество функционирует как защита от «избыточного присутствия» государства в общественных отношениях и как инструмент, позволяющий индивидам использовать свое «право голоса» – в широком смысле этого слова – не только в период выборов и избирательных кампаний. Это предполагает инструментальный подход к гражданскому обществу и его институтам, в рамках которого НПО предстают неким механизмом осуществления социальных проектов, не всегда в полной мере соответствующих социально-политическим реалиям.

Демократия и права человека – одни из фундаментальных принципов, на базе которых создавался и функционирует Европейский союз, и, что важнее, они по-прежнему остаются важными референтными точками в том числе и в процессе расширения границ ЕС [Kassimeris Ch., 2008, p. 329–345]. Не случайно именно они являются краеугольными камнями «Копенгагенских критериев», предъявляющих к потенциальным членам ЕС требования создания

честве полноправного члена Анкара дала еще в 1987 г., когда тогдашний премьер-министр и архитектор «турецкого экономического чуда» Тургут Озал подал в Брюссель соответствующую заявку. Но за последующее за этим десятилетие, несмотря на геополитическое положение страны, ее стратегическое значение для Запада и многолетнее членство в НАТО, Турция смогла добиться довольно скромных результатов. Время существенных подвижек наступило лишь в конце 1990-х годов. С обретением 10 декабря 1999 г. статуса страны-кандидата отношения с ЕС получили новый импульс и измерение: двусторонние контакты стали более систематическими и приобрели больший динамизм. Перед Турцией появилась перспектива вхождения в объединенную Европу. Это само по себе стало двигателем внутренних преобразований в стране. Одновременно, в отличие от времен «холодной войны», ЕС начал гораздо больше интересоваться качеством турецкой демократии. В центре диалога Анкары и Брюсселя оказалась сама природа турецкого политического режима.

устойчивых социальных институтов, гарантирующих развитие и функционирование демократии, правопорядок, защиту прав человека и уважение к меньшинствам. В этом контексте внешнее финансирование гражданского общества, и в частности НПО, со стороны ЕС объясняется необходимостью оказывать содействие и защищать ценности свободы, демократии и прав человека.

С этой точки зрения внешнеполитическая стратегия ЕС – отражение конкретных мировоззренческих установок и стереотипов, расширение географии которых де-факто стало частью программы развития Евросоюза [Hurt S.R., 2003, p. 161–176]. Ради осуществления этой цели в странах-реципиентах подбираются определенные НПО, идеология и уставные цели которых соотносятся с интенциями ЕС. Подобные неправительственные организации в гораздо большей степени готовы легитимизировать стремление навязать свою нормативную модель гражданского общества и социальных отношений.

Сотрудничество с ЕС и, соответственно, финансовую поддержку с его стороны могут получить лишь НПО, действующие по принципам, близким по своему либерально-демократическому характеру ЕС, и способные легко адаптироваться к механизмам работы европейской бюрократии. Усиливая и финансируя те сегменты гражданского общества, которые готовы принимать его правила игры, ЕС стремится постепенно изменить облик и характер гражданского общества той или иной страны и его институтов (наиболее явное проявление этого – выбор соответствующих партнеров из числа местных НПО)¹.

С конца 2004 г., когда была названа точная дата начала переговоров о вступлении Турции в ЕС, Евросоюз пересмотрел схему финансирования турецких НПО, с тем чтобы она в большей степени отвечала текущему моменту и способствовала положительной динамике переговоров Брюсселя и Анкары. Акцент сместился с поддержки организаций, работающих в сфере защиты прав чело-

---

¹ Многие исследователи политики ЕС в области гражданского общества неевропейских стран расценивают ее довольно критически, поскольку она руководствуется весьма специфическими представлениями о местных реалиях (равно как и не всегда адекватными задачами, ставящимися перед активистами гражданского общества страны-реципиента).

века, на инициативы, напрямую способствующие ускорению процесса вступления Турции в ЕС.

С этой целью была выдвинута программа «гражданского диалога», идея которого впервые была предложена в октябре 2004 г. Еврокомиссией и одобрена Европейским советом в декабре 2004 г. Уже в июне 2005 г. Еврокомиссия опубликовала официальное сообщение под названием «Диалог гражданского общества между ЕС и странами-кандидатами», в котором подробно объяснялась суть новой политики Евросоюза в сфере гражданских инициатив в неевропейских странах. Этот документ строился на оценке опыта предыдущих кампаний по расширению географии ЕС и был составлен, очевидно, с учетом всей специфики нового формата переговорного процесса с такими странами, как Турция.

Появление программы «гражданского диалога» стало отражением важных перемен в стратегии Евросоюза, которая теперь фокусировалась на центральной роли НПО и гражданского общества в процессе подготовки той или иной страны к вступлению в ЕС. В подтверждение этого в опубликованном Еврокомиссией документе фигурировала внушительная цифра финансовой поддержки гражданских инициатив, которая должна составлять не менее 8–10% от всей программы финансовой поддержки вступления страны в ЕС. В том же документе открыто говорилось, что «любое расширение ЕС в будущем должно поддерживаться и опираться на диалог и широкомасштабное сотрудничество... это будет способствовать преодолению информационного отчуждения, достижению взаимопонимания и сближению представителей разных культурных традиций, политических и экономических систем... тем самым будет формироваться адекватное представление о всех позитивных следствиях будущего членства страны в ЕС, равно как и об издержках этого проекта... и гражданское общество должно играть ключевую роль в налаживании и осуществлении подобного диалога» [European Union, Communication..., 2005, p. 2].

Было бы неправильно видеть в появлении программы «гражданского диалога» стремление переписать всю стратегию с чистого листа. Если анализировать программу сквозь призму «старое/новое», то к категории «нового» можно отнести как раз ключевую роль гражданского общества как инструмента «прямого воздействия» на подготовку страны к членству в ЕС. Цель гражданско-

го диалога – доказать, что турецкое общество и население стран Евросоюза имеют более-менее верное, а не искаженное представление друг о друге, что поможет минимизировать риски и сгладить процесс вступления страны в ЕС. Чем больше времени обе стороны готовы провести в налаживании диалога, тем больше культурно-идеологических расхождений может быть преодолено или сглажено на «подготовительном этапе». НПО рассматриваются в данном случае как ключевые проводники и модераторы «гражданского диалога», на которых возложена задача облегчить процесс вступления через налаживание многоаспектной коммуникации между Брюсселем и Анкарой. В этом как раз и состояла одна из важных текущих целей переговорного процесса, в достижении которой НПО отводилась ведущая роль.

Однако опрометчиво полагать, что демократизация и права человека для ЕС и его внешнеполитической стратегии утратили свое значение и привлекательность. «Гражданский диалог» посредством повышения уровня участия гражданского общества в политическом, культурном и экономическом развитии страны должен, по замыслу его идеологов, сделать его полноценным и активным, что для стран-кандидатов станет залогом консолидации демократии и обеспечения защиты прав человека в полном соответствии с политическими требованиями к ним со стороны ЕС.

Таким образом, предполагается, что гражданская активность в рамках проектов «гражданского диалога» вносит весомый вклад в процесс демократизации. Другими словами, это означает, что вне зависимости от содержания деятельности НПО сам факт гражданской активности должен способствовать демократизации.

Это еще раз подтверждает тезис о либерально-демократическом характере политических стратегий Евросоюза. Турецкое Министерство по делам Евросоюза (*T.C. Avrupa Birliği Bakanlığı*), до 2009 г. именовавшееся Генеральным секретариатом по делам ЕС МИД Турции (*T.C. Avrupa Birliği Genel Sekreterliği*), в свое время разработало ряд грантовых программ, отвечающих требованиям ЕС. По программе «Поддержка гражданского диалога между Турцией и ЕС» в общей сложности было выделено 19,3 млн. евро по четырем направлениям: города и муниципалитеты (5 млн.); профсоюзы (3 млн.); университеты и вузы (9,3 млн.); молодежные организации (2 млн.). На 2009 г. 119 проектов выиграли гранты министерства и в

каждом из них партнером турецких неправительственных организаций выступали НПО из стран Евросоюза или стран – кандидатов в члены ЕС [см.: Türkiye ve Avrupa Birliği., 2011].

Если проанализировать эти грантовые схемы, по крайней мере по трем параметрам – бенефициары, проекты, результаты (т.е. кто является адресатами финансовой помощи, каков характер проектов, на которые выделяются средства, и какой результат получается «на выходе»), – становится очевидным, что издержки политических программ ЕС могут в отдельных случаях перевешивать гипотетические выгоды от их осуществления и их позитивный потенциал.

Достаточно репрезентативный пример – молодежные проекты, направленные на налаживание диалога между турецкими и западными НПО. Объем микрогрантов по этому направлению варьируется от 30 тыс. до 100 тыс. евро и зависит от потенциальных возможностей грантополучателя. Каждый проект должен спонсироваться из правительственного фонда не более чем на 90%. Эти условия, очевидно, ставят серьезные ограничения для потенциальных участников-грантополучателей. Во-первых, каждый заявитель должен для своего проекта найти как минимум 3 тыс. евро из другого источника, а во-вторых, каждый успешный грантополучатель должен обладать опытом в осуществлении аналогичного проекта, в противном случае его шансы на получение относительно большого финансирования невысоки. Еще одно явное ограничение – необходимость международных контактов с европейскими НПО, которых можно включить в число потенциальных участников проекта.

Все эти обстоятельства говорят о достаточно узком круге реальных грантополучателей и о том, что сама грантовая программа рассчитана на поддержку довольно крупных, хорошо зарекомендовавших себя НПО, обладающих обширной социальной базой и сетью международных контактов, а также потенциалом, достаточным для освоения крупных социальных проектов.

Официально провозглашенные цели грантовой программы сводятся, во-первых, к развитию взаимовыгодных связей и партнерских отношений между турецкими молодежными организациями и их европейскими аналогами, налаживанию между ними диалога для выявления выгод и издержек евроинтеграции и расширения границ ЕС; во-вторых, к обмену информацией, знаниями и опытом в осуществлении политических проектов ЕС [T.C. Avrupa

Birliđi Bakanlıđı, 2011]. Если первая задача в целом укладывается в рамки «диалога гражданского общества» в существующих его трактовках, то вторая – раскрывает прагматическую суть самого проекта «гражданского диалога», открыто не проговариваемую его идеологами. Становится ясным, какую роль на самом деле ЕС отводит турецкому гражданскому обществу и его институтам – роль проводников политики ЕС и его агентов в исполнении требований к Турции как кандидату в члены ЕС.

На территории Турции и стран Евросоюза эти задачи как раз и реализуются через «информационные кампании, семинары, конференции, интернет-форумы для привлечения широкого круга заинтересованных участников – неправительственных организаций, благотворительных фондов, бизнесменов и т.д.», а также в рамках пропагандистских акций, направленных на визуализацию помощи ЕС в развитии гражданского общества и продвижении идеи «гражданского диалога» [Т.С. Avrupa Birliđi Bakanlıđı, 2011]. Все это входит в перечень обязательных мероприятий, каждое из которых непосредственно финансируется через гранты. И гражданское общество здесь рассматривается не как источник разнообразных идей или новых подходов и стратегий, а как партнер в достижении определенных целей и результатов, отвечающих запросам и интересам ЕС и процессу вступления в него Турции.

Для гражданского общества проекты ЕС предлагают довольно узкое поле деятельности, в рамках которого инициативу на себя должны взять определенные группы НПО. Возможно, таковы издержки текущего, в некотором смысле «переходного», момента и существующей конъюнктуры, однако вопрос, насколько все это соотносится с реальными потребностями гражданского общества в Турции и отвечает его запросам. Это вопрос, отбрасывать который было бы недальновидно.

Новые черты гражданской активности в Турции: культура «социальных проектов»

Описанная схема адресной поддержки НПО¹ имеет одно рациональное объяснение, которое состоит в том, что не все органи-

---

¹ *Внешнее финансирование гражданской активности в Турции не может осуществляться непосредственно и поэтому оно идет в «институционализированной форме» – в виде поддержки конкретных социальных проектов.*

зации гражданского общества способны в одинаковой степени выступать «вдохновителями и проводниками социальных изменений и реформ» [см.: Avrupa Birliği Türkiye., 2011]. Чтобы соответствовать этому требованию, конкретная структура должна не только демонстрировать приверженность ценностям демократии и «надлежащего управления», но и обладать определенными знаниями и «профессиональными» качествами. Среди этих качеств не последнее место занимает способность разрабатывать и осуществлять социальные проекты, являющиеся главным каналом, через который международные НПО сотрудничают с представителями гражданского общества в Турции и оказывают им поддержку¹. Подобные проекты могут рассматриваться как некий механизм, благодаря которому внешняя финансовая и интеллектуальная поддержка НПО может стать катализатором социальных реформ и трансформаций [Sampson S., 1996, p. 122–123].

Американский социальный антрополог Стивен Сэмпсон [Sampson S., 1996; Sampson S., 2002] в одной из своих статей, посвященных экспорту европейской модели гражданского общества на Балканы, обращал внимание, что феномен иницируемых извне социальных трансформаций должен восприниматься как стратегия распространения европейской модели общества и государства и соответствующего видения «правильных» общественных реформ. Проводниками этой стратегии выступают международные организации, среди которых одну из ведущих ролей играют структуры ЕС [Sampson S., 1996, p. 121]. Закономерно, что реализация этой стратегии предполагает выдвижение новых субъектов общественных отношений, которые будут выступать локомотивом социальных трансформаций, новых форм общественной деятельности и новой философии общественной жизни, модель и содержание которой диктуются международными организациями и внешними «спонсорами», но должны интегрироваться в местные условия, а не отторгаться ими.

---

¹ *Фонды подобных социальных проектов могут сильно различаться по своему объему и наполняемости. Для локальных малозатратных проектов (поддержка определенной социальной группы, скажем, мелких предпринимателей, женщин, детей или подростков в том или ином районе) не требуется больших финансовых вливаний в отличие от амбициозных и дорогих программ, как, например, борьба с безграмотностью в Восточной Анатолии.*

Успех стратегии не в малой степени обусловлен тем, что ее реализация дает возможность получить доступ к финансовым, технологическим и институциональным ресурсам. Применительно к гражданскому обществу и его институтам, а также в целом к сфере гражданской активности наиболее удобным и подходящим механизмом реализации подобной стратегии являются социальные проекты. Активисты различных общественных организаций становятся главными проводниками социальных трансформаций, а их общественная деятельность постепенно концентрируется исключительно в рамках тех или иных социальных проектов, которые с течением времени в общественном сознании иногда становятся эквивалентом гражданского общества как такового [Sampson S., 1996, p. 121]. Само понятие гражданского общества в данном контексте неизбежно меняется от социальной организации индивидов, объединившихся для совместного разрешения конкретной проблемы, оно все больше воспринимается как категория «инвестиционного проекта» и «объект финансирования» [Sampson S., 2002, p. 5].

Позиционирование себя как потенциального партнера в осуществлении конкретного социального проекта для различных НПО означает непосредственный доступ к внешним ресурсам (финансовым, интеллектуальным, информационным).

У Стивена Сэмпсона на примере Балканских стран показано, как идеи и социальные практики, перенесенные на новую почву, трансформируются, принимая на себя часть местного «колорита», стараются вписаться в систему устоявшихся ценностей и политическую культуру, наконец, входят в арсенал основных субъектов общественных отношений (и уже с их помощью идет борьба за доминирование и укрепление социальной легитимности).

Описанный Сэмпсоном сценарий отчасти можно признать универсальным для многих незападных демократий, на которые распространяется деятельность европейских международных организаций. Ту же самую картину можно наблюдать и в Турции, среди активистов гражданского общества. Социальные проекты и борьба за доступ к их осуществлению (*Projecilik*) стали чуть ли не главной составляющей гражданской активности в стране, неотъемлемой частью конкуренции между НПО за доминирование в общественно-политической жизни, доступ к ресурсам и авторитет в среде гражданских активистов.

Повышенное внимание к социальным проектам и в целом рост их значения в общественно-политической жизни, а также появление понятия «культуры социальных проектов» стало заметным еще в 1990-е годы. Показательно, что в 2002 г. Турецкий вакф экономической и социальной истории (*Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfi*) свой очередной 12-й симпозиум, посвященный проблемам гражданского общества, решил посвятить социальным проектам и роли неправительственных организаций в их осуществлении¹.

Для турецких НПО и работающих в них волонтеров-активистов социальные проекты прочно стали ассоциироваться с одной из основных форм деятельности организаций гражданского общества. Разработка социальных проектов и участие в их реализации для большинства НПО стали новой базовой ценностью и основой деятельности. Подобное отношение к социальным проектам вполне объяснимо. Во-первых, участие в них консолидирует активистов различных НПО и в прямом смысле слова систематизирует их текущую деятельность. Во-вторых, вхождение в тот или иной социальный проект придает разнообразным формам гражданской активности четкую направленность и целеустремленность. В-третьих, это создает формат для социального взаимодействия групп, нередко антагонистических по отношению друг к другу. Иными словами, для многих социальные проекты создают некую матрицу гражданской активности (показывают, чем нужно заниматься в рамках своей НПО, как выстраивать отношения с идеологическими противниками или дружественными структурами).

---

¹ Тему 12-го симпозиума обозначили следующим образом: «Проекты, социальное проектирование и организации гражданского общества» (*Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları*). Причем в сборнике материалов симпозиума специально оговаривалось, что, «выбирая подобную тему для своего мероприятия, они были уверены, что она вызовет колоссальный интерес... однако он оказался столь значительным, что превзошел наши ожидания... из всех 12 симпозиумов настоящий привлек наибольшее число участников» [*Projeler, projecilik...*, 2003, s. v]. Представители Турецкого вакфа экономической и социальной истории (*Türkiye Ekonomik ve Toplumsal Tarih Vakfi*) все это объяснили тем, что социальные проекты и связанная с ними деятельность – сами по себе весьма новое явление для турецкого гражданского общества, равно как и практика привлечения для их реализации иностранных фондов, что ставит на повестку дня новые вопросы и проблемы [*Projeler, projecilik...*, 2003, s. v].

Стоит сразу отметить, что гражданское общество в Турции традиционно сильно расслоено и стратифицировано как по сфере деятельности отдельных его субъектов (благотворительность, политика, социальное обеспечение, образование, религия и т.д.), так и по идеологическим (кемалисты, либералы, исламисты, левые, правые, националисты и др.), религиозно- и этнокультурным (алевиты, сунниты, курды и т.д.) и социальным (положение в обществе, достаток) характеристикам. Нередко демаркационные линии между этими часто взаимопересекающимися группами и представляющими их интересы НПО и активистами-волонтерами труднопреодолимы, в силу чего даже информационное взаимодействие между НПО, представляющие разные «лагеря», весьма слабое. Активисты разных НПО зачастую не встречаются и даже не знают о существовании друг друга, хотя при этом в отношении друг друга используют различные «готовые стереотипы». Таким образом, формальные горизонтальные связи в турецком гражданском обществе весьма слабы [Seufert G., 2000, p. 26]. И многие волонтеры-активисты признают это. Так, по результатам исследования ТЮСЕВ, в котором сотрудникам НПО было предложено дать оценку уровню взаимодействия между организациями гражданского общества, 8% посчитали его ничтожно малым, а 73% респондентов – весьма ограниченным [Civil society in Turkey., 2006, p. 53]. Ассоциации женщин и феминистские организации, как показывают соцопросы, в этом отношении являются некоторым исключением. Они, как правило, всегда были больше настроены на взаимодействие и совместную работу по продвижению, в частности, законодательных инициатив и включению в повестку дня общественно-политической дискуссии вопросов защиты прав женщин и предоставления им равных с мужчинами возможностей.

Культура социальных проектов предполагает постепенный рост значения идеологических и культурных маркеров в жизни гражданского общества. В этом контексте нередко наблюдаются две модели поведения, два подхода: один – ценностно-конфронтационный, второй – прагматический. Сторонники первого постоянно подчеркивают культурно-идеологические различия между НПО, что приводит к противостоянию на ценностном поле и, соответственно, к нежеланию признать легитимность существования своих оппонентов и полному отказу от конструктивного взаимо-

действия. Сторонники компромисса, напротив, стремятся отступить в сторону идеологические различия и найти возможность объединения усилий со своими т.н. «оппонентами», чтобы увеличить свой совокупный потенциал и получить возможность доступа к внешним ресурсам, тем самым в перспективе еще больше наращивая свою властно-ресурсную базу.

Социальные проекты предлагают широкое поле для самореализации, в рамках которого общий язык могут найти представители антагонистических НПО, при других обстоятельствах не готовых к диалогу и тем более взаимодействию. Именно так сверстано большинство программ ЕС: обучающие семинары для гражданских активистов, тренинги по управлению социальными проектами, курсы по поиску и работе с международными благотворительными фондами. И это не только камерные мероприятия для отдельных НПО в скромных конференц-залах, но и симпозиумы с большим количеством участников в национальных университетах и даже более крупных площадках с вынесением на обсуждение широких проблем (социальная защита детей, демографический кризис Восточной Анатолии, расширение гарантий гражданских свобод и демократии).

Подобные программы вкупе с требованиями отказа от сингулярных заявок на участие в социальных проектах в пользу коллективных заставляют турецкие НПО искать себе партнеров и единомышленников (даже среди своих оппонентов), реализовывать возможности для гражданской активности совместно.

Конечно, утверждать, что благодаря распространению «культуры социальных проектов» гражданское общество Турции преодолело присущую ему разобщенность и «разделенность», было бы большим преувеличением. Однако за счет совместного участия в реализации многообразных социальных проектов острота линий разломов (идеологических, культурных, политических, религиозных и т.д.) явно снижается, а при определенных обстоятельствах может сойти на нет.

Новые черты и характеристики гражданского общества тесно связаны с появлением в нем акторов нового типа – новой генерации общественных активистов. Как и в случае с другими видами профессиональной деятельности, работа над социальными проектами требует определенных навыков и специфических знаний –

правовых и социально-культурных компетенций с акцентом на возможности абстрактного моделирования [Sampson S., 2002, p. 5]. В общих чертах каждый социальный проект представляет собой четко структурированную по времени и интенсивности деятельность, описываемую, как правило, в категориях «проектного цикла», «миссий проекта», «целевой группы», «мониторинга» и «групп влияния». От НПО и их активистов, взявших за участие в социальных проектах, требуется оформлять многочисленные заявки, формы которых довольно сложны и для грамотного заполнения требуют хорошего знания правовой базы, проходить через изнурительные нормативные процедуры, доказывать свою способность и компетентность управлять объемными проектами.

Поэтому для успешной реализации социального проекта требуются гражданские активисты, с одной стороны, обладающие необходимыми теоретическими знаниями в области разработки и подготовки социальных проектов, а с другой – неплохо ориентирующиеся в географии местной власти и вопросах «пределов» общественной активности в конкретном регионе и области. Если конкретизировать, то активист НПО, чувствуящий в себе достаточный потенциал для участия в социальных проектах, должен как минимум обладать университетским образованием и познаниями в области иностранных языков и права, ориентироваться в современных формах международной коммуникации и, конечно, иметь четкое представление о разных формах гражданской активности и опыт участия в ней. По мере усложнения условий для гипотетических участников социального проекта и обострения конкуренции за него среди НПО повышается значение таких качеств, как близость к «целевой группе» социального проекта и его «донорам-акционерам».

Относительная сложность процедур, связанных с «вхождением» в международные социальные проекты, создала условия для появления в Турции ряда частных консалтинговых компаний, выступающих в роли своего рода консультантов-экспертов и «брокеров», разрабатывающих программы для будущих социальных проектов, подбирающих потенциальных участников и берущих на себя все заботы по проведению нормативно-правовых процедур (оформление заявок на грант, поиск финансирования и т.д.).

Различия и демаркационные границы между гражданским активистом, экспертом-социологом и профессиональным работником консалтинговой компании оказываются очень подвижными и проницаемыми. Большинство экспертов по гражданскому обществу в прошлом были активистами НПО и нередко продолжают свою работу в той или иной НПО. И здесь мы сталкиваемся с еще одной новой чертой гражданского общества в Турции. С распространением культуры социальных проектов гражданская активность становится средством построения карьеры, своего рода социальным лифтом. О своем участии в том или ином проекте делают записи в Curriculum Vitae, используют гражданскую активность как способ расширения своих профессиональных связей.

Социальные проекты также выступают в роли катализатора социальной мобильности, поскольку к их реализации привлекается значительное число людей, которые получают и работу, и перспективу улучшения своего материального положения. В контексте Турции это обстоятельство не стоит недооценивать, учитывая высокие показатели безработицы даже среди молодых людей с высшим образованием¹. Возможности использования гражданского общества как механизма, стимулирующего социальную мобильность, привлекают немало потенциальных активистов.

Говоря о необходимости вовлечения в общественную жизнь молодых активистов, глава Союза турецких женщин (*Türk Kadın Birliği*), крупной кемалистской НПО, Сермин Акман отмечала, что «большинство активистов ее союза – люди пенсионного возраста... и мы зовем в свои ряды молодежь... от них потребуется всего один час в день, чтобы сдвинуть с мертвой точки многие социальные проблемы... кроме того, большинство тех молодых людей, которые едут в Европу, обычно спрашивают, на какую неправительственную организацию они работали, в каких проектах участвовали... это тоже может выступать стимулом к гражданской активности» [Turkish Daily News, 19.11.2007].

Откровенное заявление Сермин Акман интересно тем, что в себе оно содержит признание: в настоящее время работа на интересы собственного отечества уже не может служить действенным

---

¹ Молодежь в целом хорошо осведомлена о тех возможностях, которые предоставляют новые формы гражданской активности.

стимулом к гражданской активности. Вдвойне примечательно, что подобные слова говорит один из концептуальных противников профессионализации гражданского общества и последовательный критик иностранного влияния на гражданское общество в Турции.

Диапазон деятельности турецких неправительственных организаций и политика ЕС

Одной из отличительных черт современного этапа развития гражданского общества в Турции стала «профессионализация» гражданской активности. Это явление можно связать с развитием культуры «социальных проектов», для разработки и осуществления которых требуются и экспертное сопровождение, и внешняя финансовая поддержка. Неизбежно изменяется облик гражданского общества и его институциональных основ. Существовавшая ранее размытая система волонтеров-энтузиастов уступает место гораздо более четко структурированной и иерархизированной системе активистов, взаимоотношения между которыми также обретают большую упорядоченность.

Трансформации гражданского общества хорошо ощущаются и самими его субъектами – крупными и влиятельными НПО, активистами общественных движений, деятелями разнообразных ассоциаций-дернеков, профессиональных, политических и неполитических объединений и т.д. Причем политическая ангажированность или идеологическая направленность того или иного НПО всегда отражается в его отношении к переменам в культуре гражданской активности в Турции 1990-х и 2000-х годов. Нередко борьба за финансовые ресурсы становится частью самоидентификации турецких НПО и выражается как приверженность принципам «подлинной», волонтерской гражданской активности или измена им.

Приняв участие в грантовых программах Евросоюза в качестве критерия разделения турецких НПО¹, можно выделить среди

---

¹ *Релевантность политической программы ЕС может анализироваться с двух сторон, в двух системах координат. Во-первых, с позиции основных субъектов гражданского общества – неправительственных организаций и их отношения к политике ЕС. Во-вторых, сквозь призму взаимоотношений между НПО, т.е. практического эффекта от влияния программ ЕС и активности европейских институтов на сферу гражданского общества в Турции. Особое внимание здесь*

них две условные группы: с одной стороны, те, кто получал или получает поддержку от ЕС («открытые» НПО), с другой – те, которые по тем или иным причинам не развивают финансово-экономическое и идеологическое сотрудничество со структурами ЕС и аффилированными фондами («закрытые» НПО). Для первых появление «фактора ЕС» и грантовых программ Евросоюза стали безусловным позитивным опытом. Внешняя международная поддержка для многих из них открыла ряд новых возможностей и ощутимо расширила горизонты деятельности. Внутренний потенциал неправительственных организаций, вовлеченных в европейские программы, значительно вырос, у них появилась уверенность в собственных силах и способность браться за большие проекты и, что еще важнее, претворять их в жизнь. В эту условную первую группу уместно поместить правозащитные НПО, для которых помощь извне в особенности важна, поскольку доступ к финансовым ресурсам внутри страны у них весьма ограничен и проблематичен [см.: Sarkoglu A., 2006, p.143–176]. Дело в том, что деятельность большинства правозащитных НПО часто сводится к попыткам оказывать давление на власть и правительство, нередко облекается в форму малосодержательной либеральной риторики.

Помощь со стороны ЕС позволила развивать основные направления деятельности этих НПО – публикацию правозащитной литературы, организацию тематических конференций и международных симпозиумов, а также популяризацию демократических ценностей через СМИ. Программы ЕС помогали подобным НПО конвертировать свои идеи в реальные действия, значительно упрощая и рационализируя этот процесс. Поддержка европейских правозащитных организаций и финансовая помощь со стороны ЕС стали важным компонентом эффективного достижения программных и уставных целей, на которые прежде требовалось затрачивать значительно больше энергии и собственных ресурсов.

Важно также, что в процессе совместной работы турецких НПО с международными организациями менялось и отношение

привлекает факт появления демаркационных линий между разными НПО по степени их близости к европейским институтам и по характеру их включенности в грантовые программы ЕС (по сути, критерием выступает то, насколько доступны эти программы для тех или иных НПО).

турок к самой правозащитной деятельности. Ведь долгое время большинство воспринимало подобные НПО исключительно как «раздражающий фактор» для действующего правительства, в принципе неспособный к конструктивному диалогу с властью. Однако разработка разнообразных программ, «социальное измерение» которых было очевидным, способствовала слому этого стереотипа, и, что более важно, турецкие НПО в глазах соотечественников обрели и легитимность, и оправданность своего существования. Соответственно рос и уровень доверия к НПО, улучшался их публичный имидж, а в деятельности стали видеть очевидную пользу¹.

Однако существует и другая условная группа турецких НПО, сознательно и принципиально избегающая участия в грантовых программах ЕС. Их позиция объясняется особенностями взглядов на легитимность неправительственных организаций в глазах общества, вернее, тем, насколько сотрудничество с ЕС и получение от него финансовой помощи увеличивает эту «легитимность» или, напротив, подрывает. Внешнее финансирование в определенном смысле снижает уровень независимости, компрометирует. С точки зрения активистов «закрытых» НПО, ЕС имеет определенную программу, «политическую доктрину», для проведения в жизнь которой ему требуются союзники и агенты в лице НПО. Финансирование НПО со стороны ЕС и аффилированных с ним структур видится уже не столь безобидным: за участием в грантовых программах, по мнению «закрытых» НПО, стоит попытка установить контроль за деятельностью самих неправительственных организаций. Хотя большинство «закрытых» НПО тяготеют к правому и даже ультраправому спектру политического поля, нельзя отказывать им в определенном прогрессивном взгляде на действительность, что лишний раз показывает противоречивость их политических воззрений и принципов. Например, ряд феминистских организаций активно выступали против снятия запрета на ношение мусульманского платка в университетах для женщин и в то же время не менее рьяно продвигали радикальные по своему характеру законодательные реформы, направленные на снятие гендерных различий [см.: Turkish civil and penal., 2005].

---

¹ Иными словами, НПО не только наращивали свой потенциал, но и публичную легитимность.

Причина принципиальной позиции в отношении международных грантовых программ, по всей видимости, кроется во все нарастающем в турецком обществе скептицизме и усталости от затнувшегося процесса вступления страны в ЕС.

Отказ от финансовой поддержки ЕС, так же как и принятие ее на институциональном уровне, играет важную роль в самоидентификации той или иной неправительственной организации. Это рассматривается как показатель «честности» НПО, ее приверженности первичным ценностям своей организации как самостоятельной структуры. Вхождение же в международные программы в этом ключе выглядит как попрание собственных принципов и самой природы НПО как независимой организации, поскольку де-факто означает принятие «чужой» программы вместо «своей» и потенциальное выхолащивание первоначальных целей и задач НПО, поскольку они будут постепенно замещаться «приоритетными направлениями», навязываемыми «инвесторами».

Еще одной очевидной причиной неучастия в грантовых программах ЕС может стать организационная слабость той или иной НПО – недостаточная информированность о самой сути этих программ, низкая профессиональная квалификация сотрудников и активистов (слабое владение иностранными языками, отсутствие навыков анализа деталей и условий финансирования проектов и т.д.). Все это делает грантовые проекты ЕС в глазах многих «закрытых» НПО слишком обременительными и затруднительными для участия.

Сосуществование в рамках турецкого гражданского общества «закрытых» и «открытых» НПО, диаметрально противоположных стратегий взаимодействия с Евросоюзом и международными неправительственными организациями в определенном смысле объясняет широкий диапазон реакции на «фактор ЕС» и большое разнообразие последствий его воздействия. «Ответы», говоря языком Арнольда Тойнби, на «фактор ЕС» различаются в зависимости от социально-политического контекста и интерпретации «внешнего влияния» разными субъектами гражданского общества. И это заставляет отказаться от «черно-белой» оценки проектов по продвижению европейской модели общественных отношений в западных странах, поскольку реакция на него и, соответственно последствия зачастую трудно предсказуемы. Более очевидным является

то, что «фактор ЕС» вполне способен спровоцировать новые «линии разлома» внутри гражданского общества и появление новых форм внутригрупповых конфликтов.

* * *

Теоретические подходы, определяющие понятие гражданского общества, позволяют утвердительно ответить на вопрос о его наличии в Турции. Хотя и лишенное определенных качеств, прежде всего способствующих углублению демократизации, оно действительно есть. Причем по некоторым показателям: количеству НПО, влиянию индивидуальной культуры и т.д. – его можно даже считать достаточно зрелым, «развитым». Однако с точки зрения «автономности», независимости от власти и армии, участия в процессе принятия государственных решений, степени интеграции, иными словами, на основе нестатистических, «качественных» характеристик уровень его развития едва ли можно считать высоким.

Сравнительная слабость гражданского общества в Турции может объясняться помимо особенностей исторического развития двумя комплексами причин: особенностями государственной идеологии, утверждающей ценности единой нации-государства, отрицающего наличие различных идентичностей и субкультур в рамках одного социума и сохраняющимся контролем армии над политикой и гражданским обществом через ряд институтов, таких как Совет национальной безопасности (СНБ), а также неформальным влиянием военной элиты. В этих условиях права и обязанности граждан становятся функцией государства, а не наоборот, т.е. базируются не на «общественном договоре», а на обязательствах и повинностях, установленных «сверху».

Недостаточная самостоятельность и независимость от государственной власти, глубокая политическая фрагментация и отсутствие терпимости – таковы корни большинства проблем, с которыми сталкивается гражданское общество в Турции и без разрешения которых оно не сможет послужить консолидации демократии в стране. Дальнейшее развитие и совершенствование гражданского общества тесно связано с необходимостью кардинальной ревизии политической системы и принципов государственного устройства Турции, сопровождающейся превращением армии в более демократический и либеральный институт. Двигаясь в этом направле-

нии, основные игроки экономической сферы должны получить свободу от государственного контроля и вмешательства (путем приватизации и превращения их в автономные структуры), а СНБ должен стать действительно лишь консультативным органом. Пока сложно представить, как скоро Турции удастся претворить в жизнь программу обширной демократизации. Столь масштабные социальные трансформации едва ли могут осуществиться за одно-два десятилетия, даже при наличии влияния или давления извне (например, в лице Евросоюза), совпадающего с внутренними потребностями¹.

Между тем и влияние фактора Европейского союза весьма неоднозначно. Насколько политика ЕС в сфере гражданского общества и его масштабные международные проекты отвечают ожиданиям турецкого общества? Дать однозначный ответ непросто: политика ЕС представляется сложным переплетением социальных «дивидендов» и «издержек». К первым можно отнести институциональное усиление гражданского общества, открытие новых сфер деятельности для его институтов, расширение информационной базы НПО и т.д., ко вторым – рост конфликтности в среде НПО и снижение порога терпимости.

Анализируя гражданскую активность в Турции 1990–2000-х годов, становятся очевидными несоответствия ожиданий, которые на нее возлагает ЕС (и которые формулируются в многочисленных международных программах), и реального положения внутри гражданского общества. Одна из причин этого состоит в том, что политика ЕС в сфере гражданского общества не делает «скидку» на специфику местных условий общественных отношений. Нормативная для ЕС модель гражданского общества стоит на принципах примата индивидуализма, отодвигая на задний план, а порой и отрицая столь важную для незападных обществ групповую идентичность и коллективные интересы. А между тем парадигма гражданского общества, выведенная Алексисом де Токвилем и представляющая его как бастион индивидуальной свободы и, соответственно, главный инструмент демократии, плохо соотносится с турецкими реалиями. Однако должен ли Евросоюз адаптировать

---

¹ Однако замораживание процесса евроинтеграции не внушает оптимизма в этом вопросе.

свои ценности к реалиям своего потенциального нового члена? Ведь Анкара, заявив о своем желании войти в объединенную Европу и настойчиво добиваясь полноправного членства в ЕС, фактически признала для себя нормативность всей совокупности «стандартов ЕС» (соответствующие взгляды на демократические институты, политическую систему, защиту прав человека, положение меньшинств и т.д.). Суть процесса «вступления в ЕС», растянувшегося для Турции на многие годы, как раз и заключается в выявлении «структурных несоответствий» и стимулировании комплексных реформ, направляемых «в нужное русло». Следуя этой логике, программы Евросоюза по развитию гражданского общества должны рассматриваться именно как часть обозначенной стратегии, а все проявляющиеся в ходе ее реализации «несоответствия» цели и результата – как показатель необходимости дополнительных усилий, а отнюдь не доказательство провала самой стратегии или ее искажения под воздействием «местного климата».

Вместе с тем успех любой политической программы – и усилия ЕС по продвижению демократии через «спонсирование» НПО и стимуляцию гражданской активности не исключение – прямо пропорционален тому, насколько хорошо она воспринимается ее главными «бенефициарами» и отвечает текущим запросам основных субъектов гражданского общества. И если программы Евросоюза не вписываются в социальный контекст, то они логично воспринимаются не как знак доброго сотрудничества, а как явление иного порядка, вызывающее соответствующую реакцию – отторжение и сопротивление внешнему воздействию и навязываемым правилам игры. Примеров тому достаточно: в Турции сформировалась довольно многочисленная группа НПО, активно не принимающих практику международного сотрудничества и внешнего финансирования и клеймящих тех, кто искусился «чужими деньгами». Все это говорит не только о необходимости вчитываться в социальный контекст, но раскрывает специфические черты турецкого гражданского общества.

Турецкие НПО четко ощущают свое место в системе культурно-идеологических координат, их действия и «гражданская позиция», как правило, политически ангажированы, поэтому они и не могут выступать послушными проводниками программ Евросоюза, которые в итоге приводят к неожиданным и незапрограм-

мированным последствиям. В то же время это не отменяет тезис о том, что гражданское общество в Турции обладает значительным потенциалом для выполнения роли катализатора социальных трансформаций и проводника демократических реформ. Однако открытым остается вопрос о соответствующей инфраструктуре для реализации этого потенциала.

Одной из отличительных черт современного этапа развития гражданского общества в Турции, во многом детерминированного влиянием внешних факторов в лице ЕС и международных фондов, стала «профессионализация» гражданской активности. Это явление можно связать с развитием культуры «социальных проектов», для разработки и осуществления которых требуются и экспертное сопровождение, и внешняя финансовая поддержка. Неизбежно изменяется облик гражданского общества и его институциональных основ. Существовавшая ранее размытая система волонтеров-энтузиастов уступает место гораздо более четко структурированной и иерархизированной системе активистов, взаимоотношения между которыми также обретают большую системность и упорядоченность. Фиксируемые изменения в турецком гражданском обществе существенно повлияли и на отношения между гражданскими активистами, представляющими разные политические силы и идеологические платформы, ввели новые модели достижения социальной легитимности (вызвали появление дихотомии истинная гражданственность – поддельная гражданственность, честная НПО – ангажированная НПО и т.д.), но при этом весьма слабо способствовали преодолению разделенности гражданского общества и разобщенности его субъектов.

Широкомасштабные реформы 2000-х годов не смогли серьезно изменить ситуацию «разделенности» турецкого общества (да и как-либо повлиять на социальные стереотипы и ментальность), поэтому отношение к «другому» и тесно связанный с этим уровень терпимости и толерантности не только не снизились, но даже, как показывают серьезные социологические исследования, за последнее время ощутимо возросли [Çarkoğlu A., Kalaycıoğlu E., 2009, p. 84].

Литература

- Володин А.Г. Политическая экономия демократии. – М.: Ключ-С, 2008.
- Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: АН СССР. Институт философии: Мысль, 1990.
- Геллинер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Московская школа политических исследований, 1995.
- Закон об ассоциациях № 5253 от 4.11.2004 – Dernekler Kanunu (5253 Sayılı ve 4/11/2004 Tarihli) // Resmi Gazete, 23/11/2004, Sayı 25649.
- Киреев Н.Г. История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.
- Коэн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. – М.: Весь мир, 2003.
- Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1.
- Сагатовский В.Н. Гражданское общество в философии Гегеля и Маркса // Человек, государство, глобализация. Сборник философских статей. – СПб.; Тбилиси, 2005. – Вып. 3. – С. 238–259.
- Хантингтон С. Третья волна: Демократизация на исходе XX века. – М.: РОССПЭН, 2003.
- Шлыков П.В. Вакфы в Турции: Трансформация традиционного института. – М.: Изд. дом «Марджани», 2011.
- Шлыков П.В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. – М.: Ключ-С, 2011. – С. 147–155.
- Шлыков П.В. Парадоксы возрождения вакфов в современной Турции // Современная Турция: Проблемы и решения. – М.: Институт Ближнего Востока, 2006. – С. 67–100.
- Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: Поиски новой идентичности // Вестник Московского университета. Серия 13 Востоковедение. – М., 2008. – № 4. – С. 56–79.
- Avrupa Birliği Türkiye Delegasyonu. AB ve Sivil Toplum. – Mode of access: <http://www.avrupa.info.tr/EUCSD.html>
- Beckman B. Explaining democratization: Notes on the concept of civil society // Civil society, democracy and the Muslim world: Papers read at a conference held at the Swedish research institute in Istanbul 28–30 October, 1996. – Istanbul: Swedish research institute in Istanbul, 1997. – С 1–15.
- Beller-Hann I., Hann Ch. Turkish region: State, market and social identities on the East Black Sea Coast. – Oxford: J. Currey; Santa Fe, N.M.: School of American Research Press, 2001.

Binnaz T. Civil society in Turkey // Civil society in the Middle East. – Leiden: E.J. Brill, 1996. – Vol. 2.

Çarkoglu A. Trends in individual giving and foundation practices in Turkey // Philanthropy in Turkey: Citizens, foundations and the pursuit of social justice. – İstanbul: TÜSEV, 2006. – P. 143–176.

Çarkoglu A., Kalaycioglu E. The Rising tide of conservatism in Turkey. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

Civil society in the grip of nationalism: Studies on political culture in contemporary Turkey. – İstanbul: Orient-Institut, 2000.

Civil society in Turkey: An Era of transition. CIVICUS Civil society index country report for Turkey. – İstanbul: TÜSEV, 2006.

Civil society: Challenging western models (European Association of Social Anthropologists). – L.: Routledge, 1996.

Diamond L.J. Rethinking civil society toward democratic consolidation // Journal of democracy. – Wash., 1994. – Vol. 5, N 3. – P. 4–17.

Edwards M. Civil society. – Cambridge: Polity Press, 2004.

European Union, Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions – Civil society dialogue between the EU and candidate countries, COM (2005) final, 2005, p. 2. – Mode of access: <http://www.avrupa.info.tr/Files/File/CSD/civildialogue-eng.pdf>

EU-Turkey Review. – 2007. – Issue 9 (Fall). – P. 10.

Göle N. Toward an autonomisation of politics and civil society in Turkey // Politics in the Third Turkish Republic. – Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. – P. 213–218.

Habitat II. – Mode of access: <http://www.habitat.org.tr/>; <http://www.unhabitat.org/>; <http://www.un.org/russian/conferen/habitat/habitat.htm>

Hersant J., Toumarkine A. Hometown organisations in Turkey: An Overview // European journal of Turkish studies. – 2005. – Vol. 2, N 2. – Mode of access: <http://ejts.revues.org/index397.htm>

Hurt S.R. Co-operation and coercion? The Cotonou Agreement between the European Union and ACP States and the end of the Lome Convention // Third World Quarterly. – Abingdon, Oxfordshire, (UK), 2003. – Issue 24, N 1.

Kassimeris Ch., Tsoumpanou L. The Impact of the European Convention on the protection of human rights and fundamental freedoms on Turkey's EU candidacy // The international journal of human rights. – L.: Routledge, 2008. – Issue 12, N 3.

Keane J. Despotism and democracy: The Origins and the development of the distinction between civil society and the state 1750–1850 // Civil society and the state: New European Perspectives. – L.; N.Y.: Verso, 1988. – P.50–52.

Keyman E.F., İçduygu A. Globalization, civil society and citizenship in Turkey: Actors, boundaries and discourses // *Citizenship Studies*. - L.: Routledge, 2003. - Vol. 7, N 2. - P. 219-234.

Keyman E.F. Turkey and radical democracy. - Istanbul: Bağlam Yayıncılık, 2001.

Kubicek Ch.P. The earthquake, civil society, and political change in Turkey: Assessment and comparison with Eastern Europe // *Political Studies*. - Nottingham, 2002. - Vol. 30. - P. 761-778.

Kubicek Ch.P. The Earthquake, Europe and prospects for political change in Turkey // *Middle East review of international affairs (MERIA) journal*. - 2001. - Vol. 5, N 2.

Mert N. The political history of centre-right parties: Discourses on Islam, the nation and the people // *Civil society in the grip of nationalism*. - Istanbul: Ergon, 2000.

Muftuler-Bac M. Turkey's political reforms and the impact of the European Union // *South European society and politics*. - L.: Routledge, 2005. - Issue 10, N 1.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). *Environmental performance reviews – Turkey*. - Paris: OECD Publishing, 2008.

Osmanlı'dan Günümüze Seçimler (1877-2002), EK-VI. *Toplumsal Ekonomik Siyasal Araştırmalar Vakfı*. - TESAV. - Mode of access: <http://www.tesav.org.tr/1983.htm>

Özbudun E. *Contemporary Turkish politics: Challenges to democratic consolidations*. - Boulder; Colo, 2000.

Pope N., Pope H. *Turkey unveiled: Atatürk and after*. - L.: John Murray, 1997.

Projeler, Projecilik ve Sivil Toplum Kuruluşları. - İstanbul: Tarih Vakfı, 2003.

Pusch B. Stepping into the public sphere: The rise of Islamist and religious-conservative women's non-governmental organizations // *Civil society in the grip of nationalism*. - Istanbul: Ergon, 2000.

Sampson S. The Social life of projects: Importing civil society to Albania // *Civil society: Challenging Western models*. - L.: Routledge, 1996. - P. 119-140.

Sampson S. Weak states, uncivil societies and thousands of NGOs: Western democracy export as benevolent colonialism in the Balkans // *The Balkans in focus: Cultural boundaries in Europe*. - Lund: Nordic academic press, 2002. - P. 27-44. - Mode of access: http://www.anthrobase.com/Txt/S/Sampson_S_01.htm

Savran G. *Sivil toplum ve Ötesi: Rousseau, Hegel, Marx*. - Istanbul: Belge Yayınları, 1987.

Seçkinelgin H. Civil society as a metaphor for Western liberalism // Civil society Working Paper Series. – 2002. – N 21. – Mode of access: <http://www.lse.ac.uk/collections/CCS/pdf/CSWP21.pdf>

Seligman A.B. The Idea of civil society. – N.Y.: The Free Press, 1995.

Seufert G. The Impact of nationalist discourses on civil society // Civil society in the grip of nationalism. – Istanbul: Ergon, 2000.

Shadow NGO Report on Turkey's Fourth and Fifth combined Periodic Report to the Committee on the Elimination of Discrimination against Women for submission to the CEDAW 32 nd Session. – 2005. – January. – Mode of access: [http://www.iwraw-ap.org/resources/turkey_WWHR-New_Ways\(Eng\).pdf](http://www.iwraw-ap.org/resources/turkey_WWHR-New_Ways(Eng).pdf)

Şimşek S. New social movements in Turkey since 1980 // Turkish studies.-2004. – Vol. 5, Issue 2. – P. 111-139.

T.C. Avrupa Birliği Bakanlığı. Diyalog İçin Gençlik Girişimleri Hibe Programı. – Mode of access: <http://www.abgs.gov.tr/index.php?p=5970&l=2>

Toprak B. Civil society in Turkey // Civil society in the Middle East. – Leiden: E.J. Brill, 1996. – Vol. 2.

Toros E. Understanding the role of civil society as an agent for democratic consolidation: The Turkish case // Turkish studies, 2007. – Vol. 8, Issue 3. – P. 395-415.

Türkiye ve Avrupa Birliği sivil toplum diyalogu. Program. – Mode of access: http://www.csdproject.net/index.php?option=com_content&view=article&id=16&Itemid=15&lang=tr

Türkiye'de sivil toplum: Bir dönüm noktası. – İstanbul: TÜSEV Yayınları, 2011.

Turkish civil and penal code reforms from a gender perspective: The Success of two nationwide campaigns. Istanbul: Women for Women's Human Rights (WWHR). – New Ways, 2005. – Mode of access: <http://www.wwhr.org/files/CivilandPenalCodeReforms.pdf>

Turkish national assessment Report for World Summit on sustainable development. National Programme on environment and development. T.C. Çevre Bakanlığı. – Mode of access: http://www.un.org/jsum-mit/html/prep_process/national_reports/turkey_natl_assess.pdf

Uncharted journey: Promoting democracy in the Middle East. – Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2005.

Wedel H. Türkiye Cumhuriyeti'nde sivil toplumun nüveleri – Demokratikleşmenin taşıyıcısı mı yeni bir seçkinler örgütlenmesi mi? // Ortadoğu'da sivil toplumun sorunları. – İstanbul, 1997.

White J.B. Civic culture and Islam in urban Turkey // Civil society challenging Western models. – L.; N.Y.: Routledge, 1996. – P. 143-144.

***Гражданское общество в Турции
и влияние европейских институтов
на его развитие***

World Summit on sustainable development. Johannesburg 2002. National report: Turkey. – 2002. – July. – Mode of access: http://smap.ew.eea.europa.eu/media_server/files/V/p/rapor1_1_.pdf

Yerasimos S. Civil society, Europe and Turkey // Civil society in the grip of nationalism. – Istanbul: Ergon, 2000.